

Рецензия на рассказ Льва Григоряна «Алое знамя Тальянцевой Веры»

Достаточно сказано похвальных слов автору в предыдущих отзывах и рецензиях. Рассказ и в самом деле сильный, крепкий. И мне бы хотелось отметить две наиболее важные положительные черты рассказа. Во-первых, как верно заметила Вика Иванова, *«лексика тут на высоте», «язык простой свободный и лёгкий»*. Сейчас, в наше время, это особенно важно – умение автора разговаривать с читателем на живом, простом и в то же время лексически богатом языке. Язык беднеет: канцеляриты, длинноты, неточность слова и проч. и проч. Об этом хорошо написала в своё время Нора Галь в «Слово живое и мёртвое». Вторая черта не менее важная, и её отметила Анастасия (Anastasia Uryasheva): *«Дети на прогулке рассуждают на очень сложные темы. Мне это нравится — это как раз хорошо подчеркивает разделение советских детей от современных. Пусть они может и не были такими, но граница обозначена художественно хорошо»*. Мне сложно судить, таковы ли были в самом деле дети советские или нет, но позволю себе привести пример романа Стивена Кинга «Оно». Много в нём слабо, длинно, второсортно художественно, много спекулятивного (как и во всём творчестве этого автора), но есть одна сильная черта, за которую мне и полюбили роман – характеры главных героев – подростков. В них развит ум, способность ко слаженной работе, неожиданные мощные идеи, способность адекватно рассудить. Мне так захотелось в своё время быть на них похожими, я завидовал им. И не возникало ощущение, что они не по годам умные. И хотя это один из главных упреков роману, он до сих пор считается одним из самых сильных у Кинга.

Вообще говоря, удачные характеры героев часто в истории литературы это половина удачи. Навскидку: Дон Кихот, Обломов, Квзимодо... При всех огромных слабостях романов, как например, ужасные длинноты, слабости прощаются именно удивительными, мощными характерами. И даже если автор этого рассказа не претендует оставить в литературе новый вечный образ персонажа, по крайней мере, как мне кажется, уже под силам встать на уровень... Шукшина (хотя в чём-то автора сильнее Шукшина) – внимательный читатель заметит, что почти все рассказы В.М. держатся именно на мощных характерах (не таких мощных, как у приведённых классических персонажей, конечно).

Теперь что касается главной проблемы рассказа. Мне кажется, она только одна: это проблема взаимодействия, связи и совместимости 1 и 2 части рассказа, - и от неё растут ноги у большинства других проблем...

Отправной точкой, откуда рассказ начинает делиться на две разные части, является, на мой взгляд, сцена, в которой Вера после десятидневного отсутствия вдруг возвращается на урок. Тут уже крадётся сомнения, что что-то в рассказе постепенно меняется не в лучшую сторону... Читательский интерес именно отсюда потихоньку ослабевает (думаю, не только у меня). И вот почему. Во-первых, крадётся интрига тайной жизни Веры. Эта интрига вдруг становится главным. Конечно, тут и расставание с Лёней, и «разборки» с подругой, и проч. Но, как мы видим дальше, внимание автора вдруг акцентируется именно на тайной жизни Веры (кульминацией здесь становится её секретное задание убить фашистского коменданта). Конечно, не только поэтому ускользает интерес читателя... Во-вторых, начиная со второй части пропадает психологическая и философская нагрузка текста, которая была в первой. Местами во второй части всплывает, но идёт как бы постепенное размытие этих нагрузок... И получается, что модус повествования меняется с психологически-философского на приключенческий. Вторая часть взята будто бы из другого рассказа, написанного в другом жанре. Чтобы не быть голословным, и перейти к третьей – главной причине, почему вторая часть менее интересная, приведём примеры из текста.

Ну вот смотрите:

«Класс слушал невнимательно, а сама Анна Никитична поглядывала на Веру не то с неодобрением, не то даже с опаской. О причинах затяжного отсутствия не спросила»

«Родители Веры вернулись домой, живые и невредимые. Это было невероятно: исчезнувшие обычно не возвращались».

«Исабель Эрнестовна, повязав фартук, деловито подметала пол. Вид её был совершенно невозмутим. Тимур Альбертович безмятежно укладывал разбросанные бумаги в ящик стола.

— Вам помочь? – вызвалась робко Алёна.

— Нет-нет, что ты? – улыбнулась Исабель Эрнестовна. – Сами управимся, спасибо тебе. Мы привычные.

— Кочевая жизнь, – покивал и Тимур Альбертович»

Автор вводит нас в интригу, как бы готовится к тому, что впереди будет приключение. В контексте всего предыдущего этот отрывок выглядит как анекдот. Все чего-то боятся, хотя ничего такого не происходит. Дело не в том, что так не бывает, а в том, что смещается акцент с содержания на форму произведения – к ощущению интересной интриги, парящей в воздухе.

Дальше модус вдруг возвращается к прежнему:

«Лёня поникший ходил несколько дней, держался от Веры подальше. А затем поддался поветрию: половина мальчишек их класса, не дожидаясь двух месяцев до выпускного, рванули записываться в авиацию: Гражданский Воздушный Флот объявил приём будущих лётчиков. Старые друзья – Вася Хомяков, Мыня Лиховидов – зазвали с собой и Лёню <...> Впрочем, из всего класса в пилоты приняли только двоих: Лёню и Лиховидова Мыню. Остальные по разным причинам отсеялись: кто не прошёл по здоровью, кого-то не пропустила действовавшая в те годы мандатная комиссия. Большинство претендентов подвёл слабый вестибулярный аппарат: мало кто оказался способен выдержать экзамен на вертящемся стуле – после нескольких минут верчения мальчишек начинало мутить, сильно кружилась голова, а с такими данными в авиацию путь закрыт».

Далее продолжение «интриги тайной жизни»:

«— Что же теперь? – спросила Вера, подняв взор на отца. На мгновение стало тихо – слишком тихо, будто замер весь мир. За окном угас ветер, смолкли ребячьи голоса во дворе, оборвалась на высокой ноте далёкая птичья трель. Это длилось лишь долю секунды. Следом, столь же внезапно, звуки вернулись. Тимур Альбертович обвёл взглядом жену и дочь. — Теперь, – сказал он твёрдо, – мы сделаем то, что должно. Пойдём в открытую».

И самое болезненное для читателя в том, что теряется ощущение того, что всё серьёзно, «не понарошку» в тех кусках текста, где по идее нужно максимально сопереживать. Это касается, например, сцены с убийством коменданта - тов. Фомина. То, как Вера проникает в подъезд, говорит Фомину по-немецки, после чего он открывает дверь, выстреливает в упор – всё это воспринимается как условность. Как жанровая условность. Психологическая проработка сцены не замечается читателем, философское отступление («— Вера, ты... так его... А раньше над каждой зверушкой дрожала. Всякую жизнь берегла. Вера, не оборачиваясь, весело фыркает: — Зверушек мне и поныне жаль. А зверей – нет») по-настоящему не работает на рассказ, как мне кажется.

Итак, две причины, по которым вторая часть слабей первой – смешение акцента на приключенческую интригу (именно приключенческую; первой части тоже много интриги, но она совершенно иная) и ослабление психологической и философской нагрузки.

И наконец третья причина, которая, на мой взгляд, основополагающая – автор довёл до конца характеры героев, разрешил основные конфликты между ними... и рассказ как бы сам собой под авторским пером становился более лёгковесным, внешне не претендующим уже на серьёзное художественное слово, и уподобляется по жанру то ли советской фантастике, то ли соц.реализму... Очень верно заметила Наталья (Админ): *«Возможно, именно пара «бабушка-внук» – это та точка в тексте, где сосредоточился максимум любви автора. Любви, из которой и должно вырастать каждое произведение».* От себя добавляю, что и к Вере у автора, как мне кажется, тоже много любви. И именно поэтому, когда бабушка, внук и Вера оказались полностью

раскрыты, как личности, их характеры стали ясны для самого автора, он, на мой взгляд, устал от них и, чтобы поддержать скорее даже свой интерес к рассказу, чем читательский, перешёл на приключенческий модус повествования (смею предположить, что автор очень любит приключенческую литературу).

Причина такого решения автора, может быть неосознанного, во многом, на мой взгляд, в этом – преждевременном разрешении драматургических конфликтов.

Здесь, конечно моя рецензия не исчерпывается.

Считаю нужным заранее высказать (скорее даже предположить) два пути решения проблему двух частей: 1. Сильное сокращение второй части и доработка её правдоподобности; тут можно оставить «узловые моменты», уменьшить приключенческую интригу и вообще сделать вторую часть более чисто реалистической, без жанровоподобных примесей; 2. Концентрация сил вокруг первой части, а вторую убрать совсем, или оставить штрихами (по сути написать другой рассказ).

Но прежде чем автору решить, что делать с текстом произведения, мне кажется, ему нужно всё-таки для начала определиться с более частными вопросами, без которых продуктивно не решить, что делать.

Начну издалека, с базовых понятий. Во-первых, это тема рассказа и характеры героев. Как я заметил в начале рецензии, автору удаются характеры. Но, кроме того, в первую очередь, автору именно этого рассказа, на мой взгляд, сначала нужно окончательно определиться с темой – остановиться на той теме, которая по-настоящему его волнует.

Как мне кажется, во второй части автор ушёл от изначальной темы (скорей всего тема старого и нового поколения), прыгнул к другой – теме Великой Отечественной войны (или вообще – войны, - не знаю). И тема первой части, по-моему, очевидно, автору интересней. Эти две главные темы рассказа (как я увидел их) могли бы сработать вместе, если бы, например, вторая тема во всём служила первой. На самом деле так и есть. Но вторая часть в этом рассказе требует сильного сокращения, потому возникает ощущение, что не служит. Подспудная тема не должна затмевать центральную тему никаким образом – не по объёму, не по акценту. А так как тема первой части рассказа автору, как я это понял, ближе, интересней, то она и должна быть центральной.

Однако выбор центральной темы гораздо сложнее, чем может показаться из предыдущего абзаца. Дело в том, что тема может углубляться во многом из развития характеров и из-за этого центральная тема может видоизменяться и стать уже совсем другой темой... В итоге получаем две центральные темы – как во всем на знакомом романе Льва Толстого – темы войны и мира. Не стоит торопиться. Идём дальше...

Итак, характеры. Тайна их силы именно в этом рассказе, мне кажется, кроется, во-первых, в диалектичности своей природы. Именно поэтому в рассказе возникают неожиданные повороты сюжета как бы из пустоты. Не каждый читатель заметит, что даже, например, парадоксальный характер кота в середине рассказа (напомним, диалектика – учение о единстве противоположностей). Приведу выдержку из текста:

«Тане Аварской на день рождения ребята подарили белого кота. Кот отличался царственным спокойствием и ленив был необычайно. Он щурил голубые глаза, урчал, когда его гладили, но заставить его сдвинуться с насиженного места было решительно невозможно. Увы, невозмутимость кота оказалась обманлива.

Как-то раз после занятий Таня принесла питомца в школу – упростили её пионеры, сочинявшие для стенгазеты «Мяучую поэму». Зина Лютикова, художница из пятого «Б», хотела зарисовать кота с натуры.

Окна в классе по случаю тёплой погоды были открыты. И кот, воспользовавшись моментом, живо сиганул на подоконник, оттуда в кусты перед школьным двором, и был таков»

Перед нами вполне диалектичный характер. С одной стороны *«отличался царственным спокойствием и ленив был необычайно»*, с другой *«И кот, воспользовавшись моментом, живо*

сиганул на подоконник, оттуда в кусты перед школьным двором, и был таков». Попробуйте отделить эти две характеристики – получатся разные характеры, очень убедительные и «характерные», но абсолютно плоские. Автор же показывает нам характер объёмный. Возникает эффект того, что нам показывают жизнь реальней, чем она есть на самом деле (не мои слова, подобное о силе подлинного искусства говорил ещё Хемингуэй).

Теперь возьмём Алёну, уже взрослую, то есть бабушку Алёну. Проследим, как автор делает объёмным этот характер. Первая характеристика:

«Бабушке было под девяносто. Огурцы-помидоры она солила каждый год – делала запасы на зиму»

«...к священнодействию своему бабушка никого не подпускала»

«— Тут сноровка нужна. Вы, молодые, в деревне не жили, хозяйства не знаете. Только всё перепортите»

Какой возникает образ? Типичной бабушки в типичной современной русской семье. Следующая характеристика:

«... и я прочёл с выражением: – «Энконтрара эль параисо де сус суэньос эн лос паисес ке ва а рекоррер. Лас монтаньяс де Суиса, лос кастильос фьюдалес де Алеманья, ла филантропия ингласа...»

— Отыщешь ли ты рай своих мечтаний в тех странах, куда ныне держишь путь, – сказала бабушка неторопливо. Я разинул рот. А бабушка продолжала:

— Швейцарские горы, феодальные замки Германии, английская благотворительность... Дальше?»

«А иногда бабушка пересказывала русскую классику – «Вечера на хуторе близ Диканьки», «Бежин луг», «Бесприданницу». Недаром почти сорок лет бабушка отдала школе, преподавала родную речь и литературу. Понимала и по-украински, разбирала белорусские говоры. Но испанский?! Откуда? Когда??»

В восприятии современной молодёжи чаще всего соления и испанский не вяжутся, эти слова из разных эстетических плоскостей. И как ловко автор обыгрывает соединение этих двух эстетик!

Приведём ещё два замечательных отрывка:

«Но бабушка слышала плохо, годы брали своё, и, усевшись перед телевизором в мягкое кресло, она вскоре засыпала, убаюканная домашними интонациями сериальных героев. Луисы Альберто, Марианны и всяческие Хосе Игнасио многословно устраивали свою личную жизнь, а бабушка мирно дремала, утомлённая заботами дня»

«И сейчас я впервые подумал о том, что в чужестранной речи мексиканских сеньоров и сеньорит, пробивавшейся сквозь русскую озвучку, бабушка могла слышать что-то родное, знакомое с детства, напоминавшее о близкой когда-то подруге...»

Снова автор рушит шаблон. Бабушки не только смотрят сериалы и не только солят огурцы-помидоры каждый год, бабушки бывают разные. У многих из них есть своя внутренняя жизнь, полная драм, трагедий и глубоких переживаний. Короче говоря, безусловная авторская удача.

Лично для меня большим удивлением был характер *«командира рабочей бригады с завода подшипников, товарища Фомина»*. Ему немного уделено места в тексте, но как сильно он выписан! Удивило меня две его речи, в которых он говорит по сути противоположности, но как убедительна и та, и другая речь!

«Фомин, с залихватски торчащими кверху усами, энергично тряс кулаком и зычным басом пророчил гибель оголтелым фашистским захватчикам. Закончил торжественно:

— Поклянёмся же все здесь собравшиеся – Красным знаменем, именем Ленина – поклянёмся до последнего вздоха защищать родной край, нашу великую Советскую родину! Вместе дадим

отпор палачам! Вместе отбросим их прочь! И как коренной ростовчанин скажу: никогда не ступит вражий сапог на родную Ростовскую землю, никогда не угаснет в наших сердцах пламя Великого Октября!»

«Воздев ввысь здоровенный кулак, сверкая глазами, он произнёс пламенную речь.

— Ростовчане, друзья! — говорил Фомин. — Настало великое время. Кончилось всевластие проклятых большевиков. Отныне, в союзе с немецким народом, мы вернули себе свободу! Конец притеснениям честного люда, конец колхозному строю! Смерть палачам из ЧК! После четверти века страданий и мытарств Россия воспряла от сна. Вы слышали сводку с фронтов? Коммунисты отдали Москву! Что означает это событие? Означает оно, друзья, вот что: начинается новая жизнь. Грядёт подлинное народовластие! Русский мужик, скинув оковы, отвергнув власть гнусавых инородцев, возвращает величие своей тысячелетней 42 Родине! И скоро возрождённая Россия рука об руку с передовой державой мира, великой Германией, триумфально пойдёт по планете...»

И как точны слова Алёны: *«Как же быстро меняются люди!»* Притом, сама фраза ведь таит в себе противоположные чувства: страх перед природой человека и восхищение ею же. И это мы ещё не брались за анализ самого интересного характера - характера Веры...

Значит, мы убедились, на примерах трёх характеров, что автору удалось их сделать живыми и сильными (с точки зрения художественного качества) благодаря хорошей диалектике характеристик. Другая же сторона силы характеров кроется в философско-психологической наблюдательности автора и умение вложить философские откровения в речь героев, не противореча психологии персонажа, особенностям его психики.

Наиболее развит в этом отношении, конечно, характер Веры. Кроме того, что её характер прекрасно диалектичен (индивидуальность, но не обособленность; постоянство камня, но стремление к мечте; наконец, постоянство цифры и пластичность души, как и пластичность любой человеческой души), она имеет глубокую концепцию мира, весьма убедительную. Философская содержательность её мировоззрения удалась на ура. Думаю, это не требует разъяснений. Вообще Вера одна такая. Дополнительная удача в отношении характеров автора реализована только в Вере.

Если же иметь ввиду одно только диалектичное построения характеров, то у Веры он здесь также наиболее развит, менее развит у Алёны, ещё менее у Лёни и героя-рассказчика (конечно, можно ещё взять второстепенных персонажей, ещё разделить здесь взрослого Лёню и Алёну и молодых, но в рамках данной рецензии и такого суженного рассмотрения вполне достаточно). И если от большинства персонажей не требуется философских откровений в пределах этого рассказа, то более ясной диалектики и вообще более обрисованного их характера местами острая нехватка. Не буду брать мелкие примеры. Возьму самый яркий, который ещё заметила Анастасия (Anastasia Uryasheva). Процитирую:

«Что касается эпизода, когда Алена видит Леню и Веру, идущих в обнимку. Как себя ведет Вера — все логично. Алена — логично. Леня — загадка. Он почему-то как бы извиняется, словно он уже что-то обещал Алене, что она на него имеет право. А ведь он, я так поняла, считал ее просто другом. Или же он получается догадывался, что нравится обеим девушкам? Я думаю, что точнее было бы, если бы Леня и Вера вместе удивились бы чувствам Алены. Потом несколько раз девушка говорит, что они испортили их дружбу... Но речь, скорее всего, не о дружбе, а не разделенном чувстве»

Ну вот в самом деле. Неясность как со стороны Алёны, так и со стороны Лёни.

И везде так. Чувствуется, что оба характера выписаны слабо - общими чертами. Не считая только того, когда Алёна уже бабушка - там всё хорошо. И тут я, кстати, не согласен с той же Анастасией (снова процитирую):

«Иногда, знаете, не хватает отношения бабушки к тому, что она рассказывает, словно она посторонний человек. Например, она описывает эпизод, когда ее муж впервые проникся

уважением к Вере, когда она не позволила сдать старые книги в макулатуру. Бабушка же не может рассказать об этом как бы между прочим — речь идет о первых зарождающихся чувствах между ее мужем и подругой. Она должна либо тяжело вздохнуть, рассказывая об этом, пождать губу или что-то еще — в общем, как-то показать обиду (такое не забывается)»

Мне кажется, что всё-таки такое забывается. Спустя столько лет помнить обиду — мне не верится. И тут я согласен с оценкой самого героя-рассказчика: *«Шутка ли — семьдесят лет пролетело! Кто способен так долго лелеять обиду?»*. Тем более это не в характере этой бабушки, ну нет же. Скорее тут что-то дополнительно нужно показать именно в самом эпизоде зарождающегося чувства...

Идём дальше.

В самом деле, характеры молодых Алёны и Лёни не запоминаются ярко, нужно дорабатывать. Я, как читатель, несколько раз даже забывал его имя — Лёни.

Важно развить эти характеры ещё и потому, что вокруг них — всех троих — крутятся основные сюжетные перипетии. Дополнительно на мысль о весомости этих персонажей наталкивает сцена с поимкой ребятами модели самолёта летом тридцать девятого года, то есть сцена накануне Второй мировой войны.

Если разобрать структуру этой сцены, то получится вот что:

«Лёня, Вера, Алёна бегут по зелёному лугу. Со стороны это похоже на игру в догонялки. Но нет, они же не малыши! Они запускают модель самолёта»

«На широких крыльях — красные звёзды»

«Кажется, ещё чуть-чуть, и он превратится в сверкающую искру, в точку, растворится в безбрежном небе. Но вот высота пошла на убыль»

«Где-то там кончается луг, за обрывом стремительный Дон. Неужели модель пропадёт? Этого допустить нельзя! Лёня мчится быстрее всех. За ним, лишь чуть-чуть отставая, Вера; она смеётся, синее-белое матросское платье полощется на ветру. Алёна бежит без усилий, едва касаясь ногами земли — для неё бег всегда был сродни полёту. <...> Но тут слышится победный возглас!

— Есть! Вот он!»

«Это Лёня у самого края обрыва, вытянув руку, словно Мальчиш-Кибальчиш на знаменитом рисунке, схватил самолёт на лету»

«Впрочем, берег не очень высок. Слышно, как шумит Дон»

И так далее.

Как мне кажется, можно выделить опорные точки этого фрагмента текста: не малыши, запускают модель самолёта, красные звёзды, растворится в безбрежном небе, высота пошла на убыль, Лёня мчится быстрее всех, лишь чуть-чуть отставая Вера, Алёна бежит без усилий, победный возглас, Мальчиш-Кибальчиш, берег не очень высок, шумит Дон.

По-моему автор явно построил здесь сцену-метафору, и она является в рассказе связующей. Дело в том, что «не малыши» — это как раз те дети-пионеры, рано идущие на фронт, во время войны, красная звезда — символ советской армии, самолёт в небо — движение к коммунизму (а то, что он начал падать — угроза поражения в войне), Мальчиш-Кибальчиш — персонаж одноимённой сказки о силе советской армии (если я не ошибаюсь), Дон — важный символ православной культуры (насколько знаю, в народных украинских и русских песнях река Дон один из центральных образов).

Кроме того, метафорически-обобщённо выражены в этой сцене Лёня, Алёна и Вера. И если это в самом деле связующая сцена в смысле символическом, то возникают вопросы... Основная цель Веры ясна (конечная справедливость в мире) и оттого очень ясны все её мотивы, а вот цели Алёны

и Лёни не очень ясны. Нам ясно, что движет Верой, её главная мотивация так сказать. Вера как бы нашла себе смысл жизни в установлении конечной справедливости. С другой стороны есть другой взгляд – сама жизнь важнее смысла жизни... И тут Алёна и Лёня (думаю, не зря имена похожи) как раз, может быть неосознанно разделяют этот взгляд. Они просто хотят быть хорошими людьми, просто хотят победы, чтобы жить дальше и создавать семью. По сути образ народа. Да, вроде бы всё сходится. Но дело в том, что оправдание жизни Веры мы видим в полной полноте, оправдание же жизни Лёни и Алёны мы видим кусочками.

Второй вопрос, который возникает: почему именно Лёня впереди, а не Вера? Ведь именно Вера играет центральную роль в рассказе...

Дальше развивать мысль не очень продуктивно, пока не разберём окончательно, что есть Вера для этого рассказа, потому пока что ограничимся советом: нужно серьёзно задуматься о ролях всех трёх персонажей в рассказе и, если роли уже определены, укрупнить черты этих ролей.

Теперь чуть подробнее насчёт образа Веры. Во второй части рассказа создаётся ощущение, что начинают торчать пружины – механизмы творчества как бы вылезают наружу. Это особенно касается образа героя-рассказчика, концовки рассказа (другие рецензенты уже достаточно рассказали) и, наконец, образа Веры. На мой взгляд, Вера как персонаж, оставаясь просто человеком, обобщается в то же время до образа Веры в народе, которая во многом помогла победить в ВОВ. Отсюда, например, такая её фраза, как *«обезглавлю немецкую гидру»*. Отсюда и чудесное возложение на плечи пионерки убийства немецкого коменданта. Может быть, в истории войны так и было, но искусство часто не терпит исключений... Так вот, если моя догадка верна, то идея потерянной Веры (в грубом формулировке) видится мне главной идеей рассказа. А концовка как бы чаяние автора о том, что вера ещё вернётся. Другой дело, Вера во что? Вера в коммунизм, как в конечную справедливость добра на земле или же христианская вера? Скорей всего первое, потому что много аргументов в эту пользу. Вспомнить хотя бы то, что СХС, по словам самого же автора – 190-летие пионерии. Или вспомнить, что вместо креста оказывается пионерский значок. Что важно, на нём не было Ленина, потому Вера если образ веры не христианской, то и не в советский союз, а, повторяюсь, просто в коммунизм, как конечную справедливость добра на земле. Кстати, в христианском учении ход истории неизбежно ведёт нас к торжеству Антихриста. Это тоже может быть аргументом в пользу коммунизма, а не христианства в рассказе... Это так, к размышлению.

Чтобы идти дальше, повторюсь, сначала автору нужно окончательно определиться с темой рассказа, с ролями главных героев (в перспективе и второстепенных конечно), и с главной темой (темами) рассказа. Это не правило художественной литературы, не аксиома, конечно, а помощь автору в определении того, что в рассказе главное, что нет, чтобы понять, с чего начать доработку, редактуру...

Следующие два шага, которые мне представляются следующими, я бы объединил в один, то есть: нужно работать над идеей рассказа и параллельно продолжать «прятать пружины».

И чтобы продуктивно прийти к идее, провести главную мысль, в данном рассказе нужно определиться с чередованием рассказчиков. Это важный момент. Несколько рецензентов отметили наличие нескольких голосов, повествователей. Вика уже разобрала основные голоса (*«авторских сознаний»*) и их порядок, хотя, может быть, и не совсем точно. Я бы хотел добавить, что на самом деле в рассказе примерно десяток голосов. Каждый второстепенный рассказчик тоже голос, и стоит, мне кажется, обратить внимание на выделение среди них именно авторского голоса (то есть голоса самого автора). Герой-рассказчик не автор, это герой-рассказчик. По крайней мере, судя по той сцене, в которой герой-рассказчик пытается найти Веру в интернете и не находит. Голос автора здесь проявляется в своём отсутствии: Веру (как обобщённый образ) современный студент найти не может, не помогают современные технологии найти её, а молодые люди в прошлом и без технологий находили её – Веру.

Ещё, например, отметили про речь бабушки. Приведу цитату Оксаны (Oksana): *«Меткие образные выражения, пара диалектных словечек, создадут особую атмосферу рассказа, они способны создать эффект погружения во время, ввести читателя в особое состояние»*

присутствия». Добавлю от себя, что индивидуальность речи любого героя поможет отделить, где чьи голоса, а значит - поможет понять читателю ход движения авторской мысли – понять идею рассказа.

Иногда встречаются режущие глаза переходы с одного голоса на другой. Или просто неясно, чей голос в тексте. Небольшой пример из текста:

«На мгновение стало тихо – слишком тихо, будто замер весь мир. За окном угас ветер, смолкли ребячьи голоса во дворе, оборвалась на высокой ноте далёкая птичья трель. Это длилось лишь долю секунды. Следом, столь же внезапно, звуки вернулись. Тимур Альбертович обвёл взглядом жену и дочь» (стр 37)

Такое чувство, что автор сообщает нам свои впечатления, а не впечатления персонажей. Да и непонятно, кому именно из них такое отношение приписывается автором. Возникает комический эффект, который здесь явно не достигался.

И – самое главное – количество голосов перегружает такой небольшой текст. Если писать хотя бы небольшой роман, то столько голосов вполне уместно, но не здесь.

Идём дальше.

Повторяюсь, параллельно с голосами нужно решать проблему с «торчащими пружинами». На каком-то этапе чтения я понял одно: многое из того, что в этом тексте выглядит плохо, недоработано, криво – часто оправдано концепцией. Я уже упоминал про образ Веры, обобщенный до образа Веры в народе. Это нормальный подход, так может быть. Но не нужно забывать, что кроме внутренней целостности есть внешняя. И если внутренняя – это выразительная, то внешняя – изобразительная. Вот, например, любопытное решение автора с поиском Веры в интернете, но всё портит то, что тут этот герой-рассказчик выглядит глупо. Современный студент способен искать нужную ему информацию более изощрёнными способами, а не простым путём ввода в поисковую строку. Выглядело бы сильнее, если студент испробовал бы сильнейшие методы поиска, но не нашёл бы. И фраза «толк в интернете» выглядит комично, так, мне кажется, скорее скажет какой-нибудь дедушка. В жизни может быть всё что угодно, искусство же мыслит символами и обобщениями. Перед нами не просто студент, а образ современного студента.

По мелочам, пока читал, маленьких «пружинок» много, но все отмечать здесь нецелесообразно.

Итак, пора подытоживать.

Последнее, что хочется сказать про недостатки рассказа, так это про некоторую непроработку художественных деталей.

В первой части все характеристики, описания конкретны, индивидуальны – нет общих, всем и так известных деталей. Особенно что касается пары «бабушка-внук» - замечательная конкретика. Потом - местами - есть прекрасные характеристики времени. Например: *«Юная советская авиация была в те годы пределом мечтаний пионеров и комсомольцев. Трудно было найти того школьника, который не мечтал подняться в небо»*. Здорово написано. Или, отмеченное Пашей (Pavel Karayakin): *«Привычными стали бомбардировки. Отряды пионеров и комсомольцев дежурили на крышах – гасили падавшие фугасы, зажигательные снаряды. <...> Прямым попаданием бомбы разрушен был оперный театр – гордость Ростова»*.

Но позволю себе не полностью согласиться с Пашей же насчёт *«умения и терпения автора добывать детали»*. Не всегда это удаётся автору. Вот один из таких фрагментов: *«Затаив дыхание, пионеры слушали рассказ о партизанской жизни, о тяжёлых боях под Ростовом, о том, как разбитый Верин отряд десять суток пробивался к нашим войскам, пока не соединился с действующей армией. О том, как спасали, выхаживали упавшего лётчика. И как освободили деревню, где из живых остались только мальчик Иван да рыжий котёнок. И как взяли в плен немецкого офицера, а потом оказалось, что это наш, переодетый разведчик с секретным заданием...»*

Я понимаю автора. Он хотел нарисовать наиболее известные картины о войне, чтобы читатель сразу понял, о чём речь. Но слишком общими словами всё передано. Не хватает конкретики, чтобы была возможность прочувствовать, остановиться. Читатель пробегает глазами этот отрывок, и не остаётся сильных впечатлений. И тогда не совсем ясно, почему пионеры слушали *«затаив дыхание»*. Пусть и читатель затаит дыхание.

Но не стоит забывать о том, что многое, на мой взгляд, во второй части решится, когда автор определится с тем, какую тему он хочет проводить...

Вместо вывода:

Когда уже написал рецензию и перечитал её, понял, что не хватает конечной точки. И вот решил написать три главных принципа, на которых, на мой взгляд, держится продуктивная работа серьёзного писателя (а в авторе данного рассказа я вижу именно серьёзного писателя):

Первое. Всё, что можно сделать сильнее, нужно пытаться сделать сильнее.

Второе. При работе над художественным произведением понимать, что в деле художника, как правило, идёт диалектика между научным подходом и личной интуицией, то есть когда многое выходит само собой – без прямого участия аналитического усилия автора.

Третье. Почти что второе, но с другой стороны, и более тонко, сказано Габриэлем Гарсиа Маркесом: *«Написание романа — это акт гипноза. Нужно загипнотизировать читателя, чтобы он не смог думать ни о чем, кроме истории, которую ему рассказывают. Требуется огромное количество гвоздей, болтов и шарниров, чтобы он не очнулся. Это я называю столярной работой. Вдохновение это одно, а повествование совершенно другое. Рассказать историю и превратить ее в литературную действительность, которая захватит читателя, невозможно, не проделав столярную работу. Захватить читателя, значит передать ему дыхательный ритм, который не должен обрываться, иначе читатель очнется»*. Во второй части этого рассказа происходит как раз такой сбой ритма, и гипноз больше не действует.

На этом всё.

Благодарю за рассказ.

P.S. Прошу автора написать по возможности отзыв на мою рецензию. Это мой первый опыт серьёзной литературной критики, для меня очень важно, насколько удалась попытка. Прежде всего интересует: не выглядит ли всё это умничаньем? С одной стороны я старался помочь, с другой – кое-что использовал из своего небольшого студенческого опыта по филологии, наверное, не всегда продуктивно и уместно. Когда человек умничает, часто это выглядит неубедительно. Поэтому я не хочу выглядеть умником в плохом смысле слова :) Второе что интересует – общие впечатления от рецензии: затянута/ не затянута, запутано/не запутано, по делу/не по делу, хорошо/плохо и проч. и проч. Коли уж я позволял себе указывать без стеснения на отрицательные стороны вашего рассказа, то хочу этого и с вашей стороны в отношении моей рецензии :)